

**МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ.
ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ**

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.197

**СЮЖЕТ ОБ ИЗБИЕНИИ ЛОШАДИ:
ДИАЛОГ Л. М. ЛЕОНОВА И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

С. А. Васильева

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

В статье сопоставляются сон Раскольникова из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского и «сценка на базаре» из «Пирамиды» Л. М. Леонова. История избияния лошади получает в XX в. другую нравственную оценку: индивидуальная теория Раскольникова превращается в идеологию государства и общества.

Ключевые слова: *«Преступление и наказание», Ф. М. Достоевский, «Пирамида», Л. М. Леонов, христианство, социальная жестокость, диалог.*

В литературоведении неоднократно акцентировалось «давнее и постоянное внимание Леонова к идейно-философскому миру Достоевского» [3, с. 79], отмечалось, что «во всех его произведениях мы можем найти след творческого диалога с великим классиком» [5, с. 130]. Леонов полагал, что, «когда появился Достоевский, его не понимали. И сегодня не понимают России, существа потрясений, который испытывает миф Достоевского» [4, с. 6]. Проблематика Достоевского была близка Леонову, он обращался ко многим мотивам и сюжетным комплексам его произведений, однако полемически переосмыслял их в соответствии с новым временем, другой эпохой.

В качестве контекста к «Пирамиде» чаще называют «Братьев Карамазовых» Достоевского [3, с. 79], однако в IX главе второй части есть параллели с «Преступлением и наказанием». Отец Матвей рассказывает о происшествии, свидетелем которого он стал. «Бытовая сценка на базаре» отсылает читателя к сну Раскольникова об избиянии лошади. Сразу намечаются расхождения. События в «Преступлении и наказании» разворачиваются перед кабаком. В толпе «все пьяны, все поют песни», а из кабака выходят «с криками, с песнями, с балалайками пьяные-препьяные большие такие мужики» [1, с. 55]. Достоевский предваряет драматические события описаниями толпы, вызывающей опасения и даже страх. В «Пирамиде» история произошла в «славный, с морозным солнышком, денек» на базаре, отец Матвей возвращался «из баньки». В «Преступле-

© Васильева С. А., 2021

нии и наказании» у Миколки, бьющего лошадь, толстая шея, «мясистое», красное, как морковь, лицо. В «Пирамиде» лошадь бьет «благообразный мужик», заведомо не пьяный. Прежде всего, акцент делается на трезвости крестьянина. Сын даже переспрашивает: «Пьяный, что ли?» – «Куды, в полной сухости» [2, с. 2, 50].

В «Преступлении и наказании» первоначально присутствует мотивировка избияния лошади, предполагается получить ответ на вопрос: сможет ли лошадь сдвинуть с места нагруженную доверху телегу. Хотя Миколка, возможно подсознательно, сразу свою лошадь собирается убить, заявляя: «кобыленка этта, братцы, только сердце мое надрывает: так бы, кажись, ее и убил, даром хлеб ест» [1, с. 55]. И позднее, когда уже понятно, что телегу она с места стронуть не сможет, герой был «в бешенстве, что не может с одного удара убить», он приглашает и других поучаствовать в: «Секи до смерти!» [Там же, с. 57]. В «Пирамиде» при избиянии лошади не обозначены ни цель, ни причина.

Противопоставлены не только хозяева лошадей (пьяный / трезвый, мясистое красное лицо / благообразный мужик), но и толпа. У Достоевского толпа азартна, большинство зрителей принимает эмоциональное участие в действии. В толпе слышатся смех, хохот, «раздается разгульная песня, брякает бубен, в припевах свист» [Там же]. Сцена построена по законам карнавального действия, здесь нет зрителей, все участники. Толпа активно вмешивается в убийство: «два парня из толпы достают еще по кнуту и бегут к лошаденке сечь ее с боков» [Там же], «несколько парней, тоже красных и пьяных, схватывают что попало – кнуты, палки, оглоблю, и бегут к издыхающей кобыленке» [Там же, с. 58]. В «Пирамиде» участники «в сосредоточенном молчании следили за ходом расправы без малейшей попытки вмешаться в происходящее злодейство» [2, с. 2, 50], здесь сцена и зрители разделены.

Эпизод с избиянием лошади в «Пирамиде» легко узнаваем и прочитывается «через Достоевского», но акценты Леоновым расставляются совершенно иначе. Безусловное сочувствие у читателей Достоевского вызывает избиваемая лошадь. Леонов показывает парадоксальную реакцию зрителей, которая заставляет читателей задуматься и заново проанализировать происходящее: «Однако не терзаемая кляча деревенская привлекала тайное сочувствие наблюдателей или, скажем, беспокорно переступавший по ту сторону ее жеребеночек, такая *славная коняшка*, с подвижным хохолком начинающейся гривки, а как раз сам он, нынешний хозяин *ихний*, судя по обильной проседи под сбившимся к затылку картузом, обеих войн солдат и, наверно, взрослых детей отец» [Там же; курсив автора]. У Достоевского реакция толпы неоднозначна, но понятна, у Леонова «тайное сочувствие» к злодею заставляет искать психологические мотивировки и поведению крестьянина, и реакции зрителей. При этом толпа в сочувствии к мужику единодушна: «Объединявшее их всех,

обычное при казнях, простонародное раздумье сводилось к тому – какую только напрасною мечтою не самосжигается на свете человек и чего посредством нее достигает...» [Там же].

Историю избиения лошади рассказывает в романе отец Матвей. Он жалеет лошадь, жалеет несмышленного жеребенка, «коняшку», который наблюдает за этим, и цель его рассказа – вызвать сочувствие. Младшие дети Матвея, Егор и Дуня, сопереживают лошади. Но, когда Егор покосился на старшего брата, «вдруг открылось, в чей адрес предназначался Матвеев рассказ» [Там же, с. 2, 51]. Старший сын Вадим Лоскутов искренне верит в коммунистическую идеологию, хочет порвать со своим «поповским прошлым». Он испытывал «ноющее чувство вины» за принадлежность к «преступному сословию», но в то же время подозревал, что однажды «при посвящении в *ту* строгую веру Вадима вполне могут вынудить разными перекрестными обстоятельствами самую отцовскую жизнь принести на ее алтарь в качестве вступительного взноса» [Там же, с. 2, 52]. И, хотя герой искренне любит свою семью, внутренне он к этой жертве готов: советская власть бескомпромиссна и жестока по отношению к идеологическим врагам. Установка на безжалостность защитников нового строя и заставляет Егора Лоскутова предполагать «другую» реакцию Вадима на трогательную историю.

В «Пирамиде» социальная жестокость неоднократно оправдывается великими целями, как и в теории Раскольникова. Разница в том, что теория Раскольникова была личной, индивидуальной, хотя в романе есть его духовные двойники, а теория социалистического переустройства общества захватывает целую страну. Егор Лоскутов обвиняет в жестокости общество, новую идеологию и старшего брата: «При случае он запросто отправил бы всех нас, вместе с сестренкой, на заклание во имя идеи, без личного своего участия, разумеется» [Там же, с. 2, 51]. Раскольников в «Преступлении и наказании» убивает во имя идеи, чтобы проверить свою теорию. В советском обществе идеей одержима большая часть страны. Но если Раскольников, проснувшись, приходит в ужас: «Да что же это я! <...> ведь я знал же, что я этого не вынесу», то Вадим Лоскутов очень хладнокровно оценивает ситуацию: «Нельзя не осудить дурное, бесхозяйственное поведение *твоего* колхозника» [Там же, с. 2, 52; курсив автора]. Вадим уходит от нравственной оценки, уходит от жалости и сострадания, важны классовые интересы: уничтожение фабрик и железных дорог – диверсия, за которую расстреливают, избиение лошади – всего лишь бесхозяйственность.

Сюжет об избиении лошади в «Пирамиде» «родился» из «Преступления и наказания», но, помещая его в новое время, Леонов предлагает и его новую трактовку. Внутренние изменения, происходящие в обществе, Леонов хорошо чувствовал и пытался показать, что произошло с духовными ценностями за прошедшие десятилетия: «Достоевский писал до перевала, я – после. Страхи Достоевского понятны и теперь, его страхи

апокалиптически. <...> В романе все происходит после того, как произошел полный разгром ценностей, которого боялся Достоевский» [4, с. 11]. Взгляды Вадима Лоскутова – следствие этого «полного разгрома ценностей». Индивидуальная теория Раскольникова превращается в XX веке в насаждаемую сверху политику государства.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1989. Т. 5. 575 с.
2. Леонов Л. Пирамида: Роман-наваждение : в 3 ч. М. : Голос, 1994. Кн. 1–2.
3. Любомудров А. Суд над Творцом (Роман «Пирамида» в свете христианства) // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания. СПб. : Наука, 2004. С. 68–96.
4. «Надо искать философский религиозный ключ, переводить происходящее в высший регистр...» (Из бесед Л. М. Леонова с Н. А. Грозновой). Публикация Т.М. Вахитовой // Роман Л. Леонова «Пирамида. Проблема мирооправдания. СПб. : Наука, 2004. С. 3–27.
5. Федоров В.С. Религиозно-философский аспект романа «Пирамида» // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания. СПб. : Наука, 2004. С. 122–137.

THE PLOT OF THE BEATING OF A HORSE: A DIALOGUE BETWEEN L. M. LEONOV AND F. M. DOSTOEVSKY

S. A. Vasilyeva

Tver State University

the Department of History and Theory of Literature

The article compares the first dream of Raskolnikov (“Crime and Punishment” by F.M. Dostoevsky) and the “scene at the bazaar” (“Pyramid” by L.M. Leonov) seen by Matvey Loskutov. The history of beating a horse receives in the XX century. another moral assessment: Raskolnikov’s individual theory turns into the ideology of the state and society.

Keywords: “Crime and Punishment”, “Pyramid”, F.M. Dostoevsky, L.M. Leonov, Christianity, social cruelty, dialogue.

Об авторе:

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170033, г. Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: rabota165@rambler.ru.

About the author:

VASILYEVA Svetlana Anatolyevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: rabota165@rambler.ru.